

Е.Н. Бекасова

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Российская Федерация
(E-mail: bekasova@mail.ru)*

Казахские заимствования в оренбургских русских говорах

Аннотация. Актуальность изучения говоров территорий позднего заселения обусловливается особенностями их формирования, функционирования и сохранения в условиях междиалектных и межъязыковых контактов. В связи с этим оренбургские русские говоры, складывающиеся в уникальной языковой ситуации взаимодействия разновременных переселенческих волн из губерний европейской части Российской империи с тюркскими и фино-угорскими народами на протяжении более 250 лет, остаются недостаточно исследованными. Однако опубликованные в 2005-2019 годах труды Бориса Александровича Моисеева на материале записей 50-70-х годов XX в. позволяют рассматривать различные аспекты изучения систем вторичных оренбургских русских говоров, среди которых особо выделяется проблема русско-казахских языковых контактов как наиболее значительных в лингвокультурном плане. Анализ казахских заимствований позволил определить тематические группы заимствованной лексики, выявить механизмы её вхождения и адаптации в оренбургских русских говорах, определить особенности соотношения с исконными соответствиями и раскрыть потенциальные возможности, реализованные в генетически чуждой диалектной системе. Среди наиболее значимых в количественном отношении групп заимствований выделяются термины верблюдоводства, а также обозначения масти, возраста и особенностей воспроизводства лошадей и коров, наименования которых вступали в корреляцию с исконными языковыми единицами. Заимствования в области питания не только хорошо сохранились на территории Оренбуржья, но и сыграли, как свидетельствуют записи диалектной речи, существенную роль в установлении русско-казахских отношений. Исследования широкого спектра казахских заимствований, включая эмоционально-оценочную сферу, убедительно показывают действенные положительные отношения оказавшихся в соседстве народов, что обусловило в ряде случаев возникновение семантических преобразований казахских заимствований и появление различных видов дериватов по законам приемлющего языка.

Ключевые слова: говоры территорий позднего заселения, оренбургские русские говоры, языковые контакты, заимствованная лексика, экстралингвистические факторы, казахские заимствования.

Введение

Реальная история народов отражается прежде всего в их языке. Именно он сохраняет «принятые каждой социальной и культурной формацией аксиомы, трактующие о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, определяющие поведенческие структуры, нравственные и эстетические запреты и рекомендации» [1, с. 83]. Особенно ярко данные «прописи» обихода проявляются в условиях такого контактирования этносов, когда происходит «так называемый естественный ход вещей, при отсутствии сознательного вмешательства административных властей и других политических и общественных факторов, прибегающих к разным предохранительным и принудительным мерам» [2, с. 368]. Такое естественное междиалектное и межъязыковое контактирование возможно наблюдать в ситуации взаимодействия народов в области торговли, хозяйственной деятельности и быта,

требующей привыкания, принятия, а затем и перенятия «чужого», что естественным образом ведёт к освоению тех достижений, которые веками нарабатывались этническим сообществом в определенных природных условиях. В этих случаях особо значим диалектный материал, который в своей обиходно-бытовой традиции консервирует лексические явления, не свойственные литературному языку в силу его ориентации и статуса.

Наиболее показательны естественно складывающиеся отношения на территориях позднего заселения, когда оказавшиеся в соседстве народы, до этого разделенные географически и – нередко – в культурном, языковом и конфессиональном плане, вынуждены не только взаимодействовать, но и выстраивать позитивные отношения, в результате которых вырабатывается особая модель мировосприятия разнообразного, но одновременного «своего» местного сообщества. Безусловно, важным источником проникновения в многовековое продвижение этноса и его отношений с другими народами являются следы материальной культуры и сохранившиеся тексты – письменные или устные, но следует также признать значимость тех явлений, которые вошли в повседневный уклад жизни и сохранились у других народов. Ставшие необходимыми для окружающих этносов элементы чужой традиционной культуры проявляются, как правило, в языковых реалиях соседних народов. Следовательно, по востребованным заимствованиям и их функционированию в языке-реципиенте можно также определить фрагменты языковой картины мира взаимодействующих этносов и выявить уровень складывающихся отношений между ними и их ментальные особенности.

Материалы и методы исследования

В связи с этим проблема языкового взаимодействия, и прежде всего порождаемого естественными процессами контактирования народов на территориях позднего заселения, представляет особую актуальность в лингвистических исследованиях, поскольку позволяет определить специфику каждой из материальной и духовной традиционных культур, выявить особенности расширения диалектных систем в процессе интерференции и степень их проницаемости, установить значимость действия экстралингвистических факторов и направления изменения языковой ситуации. Это определяет использование для целей и задач настоящей статьи традиционных методов изучения диалектных систем (описательный, сравнительно-сопоставительный, лингвогенетический, методики ареальной лингвистики и др.) с учётом своеобразия вторичных говоров и значимости в их формировании действия экстралингвистических факторов.

Основной материал исследования – записи диалектной речи Оренбургской области 50-70-х годов XX в., а также языковые единицы, полученные в результате анкетирования и полевых исследований с к. XX в. и до настоящего времени; данные словарей В.И. Даля, Н.М. Малечи, Б.А. Моисеева – определили использование методов сплошной выборки языкового материала, описательно-аналитического, метода сравнения и сопоставления с использованием приёмов семантического анализа.

Степень изученности темы

Оренбургские русские говоры впервые были описаны В.И. Далем, который в течение 8 лет своего пребывания в Оренбуржье (1833-1841 гг.) имел возможность наблюдать за особенностями формирования и развития переселенческих говоров, на основании чего определил основные их характеристики, включая говор уральских казаков, и зафиксировал оренбургские слова, в том числе тюркского происхождения, в «Толковом словаре живого великорусского языка». Через полвека появилась статья Д.К. Зеленина с описанием особенностей формирования говора п. Благословенный [3], который зафиксировал наблюдения за сложившейся системой переселенческого говора, ещё не заглушённого экспансией русского литературного языка. В очередной раз прерванное изучение оренбургских русских говоров приобрело системный

характер в период сбора материала для составления Диалектологического атласа русского языка благодаря деятельности уже состоявшихся учёных-лингвистов – В.И. Лыткина, Н.А. Мещерского, Н. И. Зорина – и было продолжено их учениками – В.Г. Руделёвым и Б.А. Моисеевым (подробнее см.: [4]). К сожалению, подготовленные Б.А. Моисеевым в конце 70-х годов XX в. хрестоматия оренбургских говоров и «Оренбургский областной словарь» были опубликованы только в XXI в. [5; 6], при этом словарь, несмотря на доработки и дополнения автора вплоть до 2018 г. [7], в основном является итогом широко поставленной работы по сбору и изучению говоров в 1945 – 1965 гг.

С появлением публикаций Б.А. Моисеева, включая его топонимические труды [8; 9], активизировалось изучение оренбургского лингвистического ландшафта, о чём свидетельствуют материалы Моисеевских чтений (см.: [10; 11; 12; 13]), основанных в 2015 г. в честь 85-летия известного оренбургского краеведа, диалектолога и топонимиста Бориса Александровича Моисеева. Однако изучение языка в одной из самых интересных и динамичных в лингвистическом плане территорий далеко не исчерпано, более того, ещё в 2010 г. член-корреспондент С.А. Мызников указал на необходимость диалектной характеристики региона «с учётом полевых данных и сведений, представленных в диалектологических, этнографических и других источниках» [14, с. 193], а на Четвёртых Моисеевских чтениях (2018 г.) отметил необходимость лингвистических изысканий региона в области оренбургских русских диалектов [15].

Анализ

Территория Оренбургской области, несмотря на её раннее описание членом-корреспондентом П.И. Рычковым в историческом, а В.И. Далем в лингвистическом аспектах, до сих недостаточно исследована, особенно в плане междиалектного и межъязыкового взаимодействия. Одной из причин такого состояния является обширная территория формирования Оренбургской губернии, располагавшейся на современных территориях Оренбургской и Челябинской, части Курганской, Самарской, Пермской, Тюменской, Свердловской областей, Татарстана, Башкортостана, северного и западного Казахстана. Многочисленные волны переселенцев с территорий 20 европейских губерний Российской империи, а также возвращающихся на земли Оренбургской губернии с востока создавали многочисленные междиалектные и межъязыковые столкновения с разнообразными результатами [16; 17]. Так, Д.К. Зеленин наблюдая за речью, по словам оренбургских казаков, «переродков» [3, с. 234] п. Благословенный, за 80 лет до того населявшегося самарскими и оренбургскими казаками, мордвой, крестьянами из Харькова и Черкасс, доказывает, что сложившийся говор является «плодом победы» говора казаков [3, с. 235]. Б.А. Моисеев к примерам объединения населения и установления единого говора добавляет ситуации размежевания переселенцев в пределах одного населённого пункта и сохранения своей особой традиционной культуры и говора, например, в частях с. Гамалеевка, где изолировались основавшие село в 30-е годы XIX в. курские крестьяне (Куряки), крестьяне, пришедшие с Сибирской охранной линии (Сибиряки), и появившиеся позже крестьяне из Малороссии (Хохлы) [9, с. 86-87].

Языковая ситуация значительно осложнялась, когда в контакт со славянскими переселенцами вступали финно-угорские и тюркские народы. Судя по материалам Б.А. Моисеева, в оренбургских русских говорах среди заимствований фиксируются в основном тюркские заимствования [18], при этом их большая часть относится к контактам русского и казахского народов. Данное обстоятельство определяет цель данной статьи – исследование казахских заимствований в оренбургских русских говорах, что было обусловлено особенностями лингвокультурных взаимодействий на территории Оренбуржья. Следует уточнить, что в статье под казахскими заимствованиями подразумеваются те тюркизмы (не обязательно генетически восходящие к казахизмам), которые вошли в переселенческие говоры с территорий, где проходили тесные русско-казахские контакты, на что убедительно указывают информанты. Считаю необходимым

подчеркнуть, что подобный подход обусловлен прежде всего тем, что рассмотрение проблемы заимствований тюркского происхождения усложняется, как отмечает С.А. Мызников, «весьма значительным по объёму материалом, который предполагает его комплексное детальное изучение, с выявлением непосредственных источников тюркских данных» [19, с. 32-33]. Последнее представляет особую трудность, поскольку для целого ряда тюркизмов до сих пор нет однозначного решения по поводу их этимологии.

К сожалению, следует констатировать, что языкового материала для реконструкции казахско-русских контактов на протяжении более четверти тысячелетия недостаточно. С одной стороны, языковая база оренбургских русских и – особенно – казахских говоров известна частично, не исключая их лексическую составляющую. Однако наличие доступных для исследования лексических единиц, возникших в результате «взаимодействия двух и более языков вследствие особых географических, исторических и социальных условий, оказывающих влияние на структуру и словарный состав одного или многих из них» [20, с. 284], позволяет определить специфику тематических групп и в определённой степени осветить причины и механизмы вхождения казахских заимствований. С другой стороны, необходимо уточнить, что в большинстве записей казахи определяются как киргизы, что в принципе соответствует типичному для истории тюркских народов «переносу имени с одного народа на другой» [21, с. 167-168], а пометы, например, в словаре В.И. Даля *татар*, могут свидетельствовать о более широком тюркском происхождении слова и требуют корректировки.

Для славянских переселенцев европейской части Российской империи освоение огромного края требовало знакомства с опытом его использования ставших соседями тюркскими народами. Весьма показательно в этом плане распространённое повсеместно предание о *бишкунаке* – свойственной для Оренбуржья природной аномалии (заморозков весной после устоявшейся тёплой погоды), что было актуально для переселенцев-земледельцев (40) (здесь и далее в круглых скобках стр. указываются по [7]).

Однако тематические группы говоров дополнялись заимствованиями по-разному. В частности, заимствования наименований фауны представлены единично (*карашпай*, *битюк*, *карбыш* и др.), и, судя по нашим данным, обусловлены необходимыми уточнениями видов, подвидов, масти диких животных, их возрастных и поведенческих характеристик (подробнее см.: [18]), например, *карбыш* / *карбуш* упоминается как название «хомяка с белым горлом и без мешков за щеками» (146). Особо отметим слово *куян*, отмеченное у В.И. Даля как «*татар.*, *орнб.* – ушкан, заяц» [22, т. 2, с. 230]. Однако наша коллекция прозвищ оренбуржцев свидетельствует о том, что *куянами* называют нелюдимых мужчин, живущих одиноко или на краю населённого пункта со смешанным русско-казахским населением. Информанты обычно уточняют, что у них так принято называть матёрых зайцев-самцов, зайцев-отшельников. Современное прозвище определяет семантическую значимость казахского заимствования, необходимого для более точного названия предмета. В «Оренбургском областном словаре» также имеется соответствующее уточнение, причём, судя по иллюстративному материалу, лексема может использоваться в прозвищном аспекте в отношении к мужчинам, ср.: «1. Заяц, обычно в сочетаниях «куян слепой», «куян косой». *Эх ты, куян косой! Ты куян слепой, что ничего не видишь*» (210).

Более разнообразна группа наименования растений, которые сохраняются в русских диалектах в связи с особенностью флоры Южного Урала (*битюга* (39) – разновидность ковыля), в том числе имеющей хозяйственное значение. Чаще всего это обозначение растений, которые используются или на корм скоту (*джусан* / *жусан*, *бута*), или для отопления (*куга*, *кугаил*, *кура*), например: «*Сухой кугой печки топить можно*. «*Измельченный камыш и куга – отличный корм. Животные его хорошо поедают*». «*Каждое лето косим куру на топку*» (195).

Хозяйственные контакты определяют численность наиболее значимой группы заимствованных из казахских говоров лексических единиц, связанной с животноводством

как основной деятельностью казахов в период активных переселенческих процессов в Оренбуржье. Особо следует отметить терминологию верблюдоводства, которая в словаре Б.А. Моисеева сопровождается иллюстрациями, содержащими выработанный веками практический опыт скотоводов. Необходимо подчеркнуть, что в период, когда производились записи от информантов, в Оренбуржье ещё разводили верблюдов на частных подворьях, видимо, поэтому терминология верблюдоводства характеризуется высокой степенью сохранности и освоенности. При этом казахские по происхождению слова могут иметь переносные значения или вплестаться в исконный контекст: «*В этом доме Васька-цокыр живёт, одноглазый*» (473). «*У кусака кочка всегда набок*». «*Кусак – это рабочий верблюд; я держал одного кусака, всё ездил на нём*» (182, 205). «*Верблюжиха потеряла своего буту*». «*Бутак любит есть алабуту*». «*Если верблюжонок, то называют бутакан*» (52) и др. Возможны новые образования от заимствования по моделям русского языка, которые также могут приобретать переносные значения, например: бурить, буриться, разбуриться (<бура/буро – верблюд-производитель) – 1. О верблюде: находиться в возбуждённом состоянии в период случки. «*Верблюды бурятся весной. Как весна, они бурятся начинают*». «*Верблюд разбурился, теперь не поймаешь*». 2. Перен. О человеке: бушевать, разбушеваться, дебошрить. «*Зашёл к нему, а он так разбурился!*». «*Придёт пьяный и начинает бурить, семье покоя не даёт*». «*Не бури больно, как верблюд*» (51).

Несколько иные причины заимствований из казахского языка в области традиционного для переселенцев животноводства, которые характеризуют особенности масти, возраста животного, его отношение к воспроизводству: *беломурный* – бык, корова тёмной масти с белым пятном на морде (35); *кургаи* – ягнёнок в возрасте 5–6 месяцев (201), *тайлак* – верблюжонок в возрасте одного года (439); *коспак / куспак* – кастрированный верблюд (182), *дюнен* – мерин (104), *кушкар / кошкар* – племенной баран (209) и др. Наиболее интересны в плане заимствования наименования возраста лошадей и коров: *башмак, басмак, башмач* – бычок в возрасте одного года, кашарка, башмачина, башмачка – тёлка на втором году, *тайка, тайчина*, – тёлка в возрасте двух лет, *таёк* – теленок, жеребёнок двух лет, *кунан* – бык трёх лет, *дюнен* – бык в возрасте четырёх лет. Обращает внимание вариативность названий на одной территории и направленность некоторых названий исключительно на возрастную дифференциацию, без половых и видовых признаков, например: *тай* – телёнок и жеребёнок на втором году, *таёк* – бык и лошадь в возрасте трёх лет [23].

Предполагаем, что появление подобного рода заимствований вместо исконных эквивалентов типа *годушка, годовик, второгодница, второгодник, третьяк* и др. определяется торговыми и хозяйственными связями со степняками-кочевниками, обусловленными достижениями казахов в области пастбищного животноводства. По всей видимости, заимствования обозначали масть и возрастные особенности казахских пород, что позволяло изначально характеризовать местных животных и реализовать потребности говора в более тонкой семантической дифференциации. В какой-то степени в пользу данного предположения можно привести название особой породы казахских лошадей, отличавшихся большой выносливостью и небольших ростом, которых выращивали адайцы, кочевавшие, по воспоминаниям старожилов, с реки Эмбы и от Каспийского моря и враждовавшие с местным населением – и переселенцами и оренбургскими казахами. Адаевские лошади, или адайцы, судя записям 50-70-х годов XX в., весьма ценились: «*Раньше киргизы продавали адаевских лошадей*». «*Адайские лошади дикие, как звери, и бегают больно быстро*». «*Старков обещал за это подарить купцу скакуна-адайца, выигравшего приза скачках*» (22). Аналогично закрепилось название местной породы овец – *курдюшная / курдючная* овца, или *курдюк*: «*Киргизские (казахские) овцы курдюками называются*». «*Киргизы больше курдюков разводят*». «*Все курдюшных овец завели*». «*Киргизы всё ординских курдюков продавали*» (202).

Надо также отметить, что нередко, судя по рассказам информантов, возрастные показатели животного закреплялись за другими физиологическими характеристиками животного, например: для указания времени отёла – «*Корова тайкой телится*» (439), особенностей

использования в сельскохозяйственных работах – *«На кунане не работают, он необученный, пока так бегают»* (200).

Разведение местных пород скота и использование соответствующих названий сопровождается другими заимствованиями, обусловленными опытом и достижениями казахского животноводства в условиях Оренбуржья: названиями болезней (*жибулак, карасан / карасаи*), кормов, особенностями выпаса и пр. Надо отметить, что опыт зимнего выпаса скота (*тебеневка, тебеневать* (ане *тебенить*), *затебеневать*), когда, как указывал В.И. Даль, «наперед пускают коней, которые разбивают снег, за ними крупный, а там мелкий рогатый скот» [22, т. 2, с. 235], был достаточно распространён на территории Оренбуржья и Сибири. Аналогичные территории представлены в «Словаре русских народных говоров» (*тебенить, тебеневать, тебенёвочный, тебенёвщик* [24, с. 332-334])

Словарь Б.А. Моисеева свидетельствует о том, что такая практика пришла к переселенцам от казахов и башкир: *«Раньше у киргизов весь скот был на тебенёвках; у них такой порядок: сначала пасут по снегу верблюдов и лошадей, они разомнут и разобьют снег, доставая корм; за ними идёт рогатый скот, а уже после овцы пасутся». «Зимой пища башкирца по большей части бедна... Точно тем же невгодам подвергается во время зимы скот, который (кроме мелкого и рабочих лошадей) обыкновенно оставляется в степи на тебенёвке»* (441). Однако, судя по материалам Б.А. Моисеева, западная часть Оренбуржья, которая особенно тщательно была им исследована, включая его кандидатскую диссертацию, характеризовалась тебенёвкой именно казахов. В частности, при организации казачьих форпостов на Бердяно-Куралинской линии «киргиз-кайсакам... разрешалось переходить эту линию со своими стадами, но только в зимнее время для тебенёвки (зимней пастбы скота)». Документ 1844 г. «Об отдаче земель Илецкого района под хлебопашество и пастбу скота по билетам» закрепил это право за кочующими по этим местам казахов [9, с. 212].

Иллюстративный материал «Оренбургского областного словаря» Б.А. Моисеева указывает на специфику тебенёвки переселенцев, которые отправляли тебеневать в основном лошадей (*«Мы только лошадей пускали в тебенёвку», «Только лошади тебенюют, а быки и коровы нет». «На тебенёвке лошадь ногами разбивает снег»*), поэтому использовались сочетания «тебенёвочная лошадь», реже – «тебенёвочная овца» (441). При этом информанты отмечали, что *«у нас сейчас тебенёвочных лошадей нет»*, однако в 70-е годы XX в. на областном уровне попытались восстановить традицию тебенёвки как прогрессивного способа сохранения поголовья в условиях нехватки кормов после засушливого лета.

Оренбургским русским говорам также были известны слова, связанные с обработкой овечьей и верблюжьей шерсти (*«Джибагу остригли с овец и продали». «Пальто сшила с джибагой, тепло в нём»* (94), *«Жабагой киргизы называют целое руно, снятое с овец или верблюдов при весенней стрижке»* (107)), использования овечьего навоза как лучшего материала для отопления жилищ (*«У кого овцы есть, те кием топят, он как уголь горит»* (156)), качества аркана (*Казахи аркан плетут – это хорошая верёвка из волоса, ни за что не порвёшь* (26)) и под.

Другим, достаточно важным объектом контактирования народов является еда. В частности, Я.В. Мызникова в своих исследованиях говоров Симбирского Заволжья утверждает, что «в наибольшей степени тюркское и финно-угорское влияние на русские говоры» проявляется в «сферах хозяйственной деятельности, культуры питания», где «наблюдаются самые значительные результаты взаимодействия материальных культур» [25, с. 38]. По данным оренбургских русских говоров, наименования казахских блюд выступают, на наш взгляд, самым значимым показателем тесных контактов народов, поскольку такие заимствования предполагают выстраивание не только торговых и хозяйственных, но и личных связей, которые достаточно определённо прослеживаются в «Оренбургском областном словаре» Б.А. Моисеева.

Близкое знакомство переселенцев с казахской кухней позволяло закрыть некоторые «лакуны» их традиционного питания, касающиеся блюд из мяса (*бижбармак, куурдак, казы*

и др.) и молока (*курт, каймак, ремчук* и др.). Отнесение ряда блюд, распространённых среди проживающих на территории Оренбуржья тюркских народов, к казахским производится на основании анализируемого материала, например: «*Куурдак, т. е. жаренное в сале мясо, составляет одно из любимейших лакомств степняков-киргиз*» (194-195). «*Киргизы торговали кумызом*» (200). «*Киргизы пьют чай только с каймаком*» «*Киргизы каймак делают*» (140). «*Еремшык – другого рода киргизский сыр, сладкий, вываривается из овечьего или козьего парного молока*» (391). «*Курт – киргизский сыр, который готовится из кислого коровьего или овечьего молока (высушенный крут разводят в воде и утоляют им жажду и голод)*» (192). «*Придѣшь к киргизам, они наварят, нажарят бурсаков*» (51); К'ирү'ёзы (казахи) скат'ёну ст'ер'ач'уйахъл'и / када н'амнішкь пьйад'ат', а патім в'ач'ьръм ч'ай п'йот' памнйу / рьскатайут' т'асть тінкь, пар'ажут' клакам'и (клочками), свар'ут', рукам'и б'арот' и йед'ат' / а жішку ф ч'ашк'и нал'йот' и ч'ир'ис край п'йот' / к'ирү'ёс н'и хл'абайа, ліжък н'ет у н'аві / [5, с. 40].

Особо следует отметить сыры, которые готовили казахи (башкиры) из овечьего, козьего, кобыльего, – реже – коровьего молока. Высушенные и/или подкопчённые (*сарса, курт*), такие виды сыра полностью отвечали особенностям кочевой жизни казахов и оказались востребованными переселенцами в условиях непривычно жаркого лета.

Высокая оценка целого ряда казахских блюд и вхождение их в традиционное питание переселенцев возможно было лишь при условии достаточно близких контактов – дружеских отношений и взаимного гостеприимства: «*Раз пришли к ним, а они нас бижбармаком угостили*» (38), «*Чем только не угощали нас киргизы: варили бишбармак, «готовили кувардак*» (194). «*Здесь находится депутация от киргиз, которая хотела честовать его (русского священника) самым почётным киргизским угощением – кумызом и кургашиной*» (202). Весьма показательны в этом отношении записи информантов, которые свидетельствуют о том, что наименования еды настолько адаптировались в системе русских говоров, что появляются соответствующие глаголы, например: *бижбармачить* (38). При этом контекст использования глагола («*Куда пропал наш хозяин, а он ушёл к киргизам и там бижбармачит*»), на наш взгляд, гораздо шире указанного значения 'есть бижбармак' и предполагает особую атмосферу гостеприимства, с полным доверием и дружескими разговорами. Следует отметить, что в некоторых оренбургских семьях в качестве фирменного блюда для гостей подаётся бижбармак, а в некоторых районах имеется традиция собираться по выходным «на бижбармак». Отсюда и другое значение глагола – 'гулять, веселиться' («*Витька приглашает молодёжь бижбармачить, на день рождения*»).

Признания достижений местных этносов в области питания и широкое распространение заимствованных блюд среди переселенцев подтверждается многочисленными записями, например: «*Ремчуку наелись – вот так!*» (391), «*Мать густо намазывала каймаком блины* (140). «*Киргизцы (казахи) больше куртот питались, и русские его едят*» (192). «*Сарсу делают русские и киргизы, она сладкая, вкусная, её с чаем пьют*» (402); Нас, куз'м'ёнск'их, дражн'ёл'и так: съламатн'ик'и / съламат вар'ёл'и и зажул'ё д'ир'авн'у [5, с. 38]. При этом активное введение блюд определяло изменение ингредиентов, рецептуры и особенностей употребления, например: «*Бывало мать часто варила бижбармак, но мы ложками ели, а киргизы – руками: возьмут рукой лепёшечку и кусочек мяса, положат в рот, потом ладошкой черпают жижку и запивают*» (38). «*Куурдак – конина или баранина нарезывается мелкими кусочками и поджаривается в растопленном сале*» – «*У нас так готовят кувардак: картофель порежут, печёнки добавят и жарят с луком и салом*», «*В Линёвке кувардак – это крошенная варёная картошка с луком и жиром*» (194).

Следует отметить, что зафиксированные заимствования могут показывать разнообразие приготовления, например, блюда бурсаки (51), которое информантами отмечается как казахское на территории Илецкого и Соль-Илецкого районов, но имеет существенные различия в приготовлении («*Буурсак – сдобные поджаренные шарики или небольшие квадратики из теста*»). Судя по нашим сведениям, в настоящее время буурсаки являются особым свадебным угощением, рецепт которого хранится у женщин, которые обслуживают казахские свадьбы определённого

региона, а следовательно, бурсаки могут иметь не только тюркскую (казахскую, татарскую), но и территориальную «привязку» и выступать как своеобразный этнический регионализм.

Особый лексический пласт заимствований составляет тематическая группа, связанная с казахскими постройками, при этом материалы словаря Б.А. Моисеева позволяют проследить как эволюцию казахского жилища, так и приспособление переселенцами традиционных построек казахов к собственным нуждам. В связи с оседлым образом жизни некоторых казахов, когда *кушпели* (киргизы-кочевники) становились *джатаками* (оседлыми киргизами) и даже *егенчи* (киргизскими земледельцами) (подробнее см.: [9, с. 447-248]), вместо *джуламеек* – «войлочных кибиток с острым верхом, в которых жили обычно бедные казахи, или с верхом в виде купола» (94) появляются землянки, за которыми закрепляется прежнее название разбираемого жилища кочевника (155) – *кибитка* или *джуламейка*. Надо отметить, что в снаряжение оренбургских казаков также входили войлочные палатки, которые назывались *джуламейки* («Для подстилки вместо постелей заготовили войлоки, а чтобы было где укрыться от стужи – джуламейки, или круглые войлочные палатки» (95)). Особенности кибиток, в частности, вмазанные котлы (казаны) для кипячения воды / молока и мяса, активно заимствуют переселенцы. Считается, что первоначально такие приспособления появились у уральских казаков, которые на таком приспособлении готовили каймак (82). В газете «Оренбургский край» за 1894 год пишется о том, что «куры (зимовки) по берегам речек да кибитки» остались как «воспоминания старины». Однако «модернизированными» *джуламейками* пользовались «богатые русские люди, которые жили в них весь период полевых работ» (95), а *куры* начинают строить как сараи для овец или загоны для скота (сведения 1861 г.): «Русские тоже куру делают, она тёплая, там ягнятам хорошо». «На дворе у нас сараи разные, овечья кура». «Скот лишь на ночь от волков загоняется в куры (дворы)... Из камыша делают куры» (200).

Развитие и интенсивность языковых контактов обусловила фиксацию в оренбургских русских говорах казахских заимствований, связанных с реалиями жизненного пространства. Привлекательность заимствования, обусловленная близкими отношениями этносов, позволяла расширять семантику прагматически неэкономных говоров такими словами, как *бишара* (маленькие дети), *бельмешок* (грудной ребёнок), *джюз* (взбучка, потасовка), *бабай* (дедушка), *муйнак* (нахальный, бессовестный человек), *ульген* (смерть), *ульды* (умереть, сдохнуть (о животных), порваться (о вещах) и др.

Надо отметить, что казахские заимствования в определённой степени оказались востребованными и в эмоциональной сфере оренбургских русских говоров, видимо, потому, что они не только расширяли палитру выражения чувств, но и усиливали их благодаря своей «экзотичности», создавая эффект разнообразия и силы эмоций, оценки событий, явлений действительности и фактов, например: *ой-баяй* – восклицание (из казахск. яз.). «Идти нам ещё сколько! Ой-баяй! Целых двадцать километров» (296), *ой-налай* – восклицание, выражающее удивление и досаду. «Зачем ты дрался: всю рубашку изорвал, – ой-налай!» (296), *ой-пурмой* – восклицание, выражающее удовольствие. «Говорит: какие вкусные кокурки, объелся ими, – ой-пурмой!» (296), *бары-бир*, *бар-бир* – нареч. Безразлично, всё равно. «Пусть что хотят говорят, а мне бары-бир». «Дитёночек кричит, а ему бар-бир». «Пурга поднимется, а ему бар-бир, он в поле едет» (31), *будалма* – хватит, достаточно. «Хватит наливать щей в тарелку, будалма, больше не съем» (49), *шараган* – в сочетании «совсем шаршаган» – безнадежно заболеть; тяжёлое болезненное состояние без всякой надежды на выздоровление. «Я ходил к нему, он ведь совсем шаршаган. Моя старуха совсем шаршаган, недолго осталось жить» (493) и др.

Особо следует отметить лексику, которая свидетельствует об отношениях казахов и переселенцев. Как пишет Б.А. Моисеев, «многие русские люди свободно говорили на киргизском языке, и почти все местные киргизы без труда понимали русский язык. На базаре русские знакомились с киргизами, между ними устанавливались дружественные и приятельские отношения, они становились «тамырами» (друзьями, приятелями), ездили в гости, помогали

друг другу в разных делах, даже роднились. Недаром в то время в русских говорах по Илеку распространилось слово *тамырить* – «находиться в приятельских и дружественных отношениях с киргизами». В конце XIX века и позже тамырство между киргизами и русскими на Новоилецкой линии было обычным явлением» [9, с. 246]. В газете «Оренбургский край» за 1893 г. зафиксирован факт сокрытия знания казахского языка: «Начали киргизы нас расспрашивать: где косим, не слышали ли ночью выстрелов. Петрович на все вопросы одно отвечает «бельмей», а сам всё понимает, притворился, значит» (35), при этом в «Областном оренбургском словаре» отмечается, что «слово “бельмей” хорошо известно русским жителям и часто употребляется ими в разговоре с казахами» (35).

В оренбургских русских говорах сохранились слова, которые свидетельствуют о дружественных отношениях между казахами и русскими, например: *джюлдас* – товарищ, попутчик. «Русские жители знают это слово, но употребляют его лишь в беседе с казахами» (95), *жаксы* – хорошо, хороший (в разговоре с казахом). «Садись, кунак, выпьем чай, жаксы чай» (107), *кайда барасым* – это выражение употребляют русские при обращении к казахам и казахи, когда они обращаются к русским. «Эй, знаком (знакомый), кайда барасым?» (140), *кунак* – гость. «Пошёл к ним в кунаки»; *куначить* – гостить. «Когда придёт зима, едут к нему со всех сторон куначить» (200) и др. Особо отметим русское слово *отдарок* (то, что даётся в ответ на подарок), которое употребляется в контекстах, характеризующих отношения с казахами: «Если киргизину (казаху) что-нибудь подарил, то он обязательно даст отдарок: лошадь или верблюда» (304).

Полученные результаты

Заполнение казахскими (и – шире – тюркскими) заимствованиями соответствующих понятийных лакун, возникших в новых природных условиях, определяло то естественное лингвокультурное взаимодействие, которое было взаимопользным для каждого из этносов.

Освоение новых сфер хозяйственной деятельности, связанных с верблюдоводством, особенностями отгонного скотоводства, некоторыми специфическими болезнями скота, культурой местного питания, одежды, ремёсел и под., требовало новых лексических единиц, успешно внедрённых в систему говоров и нередко конкурирующих с наименованиями, которые могли быть в русских диалектах, но в недостаточной степени соответствовали потребностям более тонкой семантической дифференциации. Особо следует отметить заимствования, не имеющие прямой хозяйственной потребности и касающиеся человеческих отношений оказавшихся рядом народов, независимо от их желания быть соседями. Записи диалектной речи, сделанные в 50-70-х годов XX в., показывают всё многообразие становления и развития человеческих отношений столкнувшихся этносов, имеющих разную историю и язык, но при этом способных расширять соприкосновения по общечеловеческим критериям.

Многообразие заимствований определяла особенности их внедрения в русские говоры и их дальнейшее существование в другой генетической системе. М.А. Бурибаева отмечает, что с XI по XVIII вв. «тюркизмы и их дериваты в русском языке проходят стадию вариативности как показатель их успешной адаптации» [26, с. 103], что также подтверждается данными оренбургских говоров и наблюдается в естественных условиях, без давления литературных языков в XIX – начале XX вв., например: *бута* (Илекский район), *бутак* (Соль-Илецкий район, Илекский район), *бутакан* (Соль-Илецкий район) и под.

Как уже указывалось, обусловленная экстралингвистической реальностью востребованность заимствованного слова подтверждается не только его прагматической значимостью, но и реализацией потенциальных возможностей заимствования в словообразовании и семантике языка-реципиента.

Ряд заимствований начинает функционировать по законам принимающего языка, образуя производные по продуктивным моделям русского языка, в том числе характерным для русских

говоров (подробнее см.: [27, с. 16, 18]): *кушпель / кушпиль – кушпелец, кушпилинец, кушпельский; бижбармак – бижбармачить; кумыз – кумызник; кунак – куначить; калым – закальмить; тамыр – тамырство, тамырить; кургаи – кургаишек, кургашина; курдюк – курдюшный / курдючный; кабарга – кабаржина; кунан – кунанчик; каймак – каймачок; башмак – башмачок; бутак – бутачонок и под.*

В плане вхождения в лингвокультурное пространство особо показательны заимствования, переживающие семантические преобразования, начиная от возможностей семантической дифференциации уже названных реалий (*куян, челяк*), табуистических замен (*битюк – вошь, ульген – смерть, ульды – умереть*) до появления переносных и новых значений (*кибитка – перен.* верхняя часть головы, темя; *курдюк – перен.* задняя часть тела человека). Заимствования используются как готовый и потенциально многозначный материал для обогащения собственной лексической системы, ср.: *мазарки – 1.* Татарское или казахское кладбище. *2.* Стародавнее русское кладбище (новое кладбище называется *могилками*) (230); *терменьга –* ручная мельница. «Заимствование казахского «терменьга» было обусловлено тем, что это слово позволяло чётко разграничивать названия для мельницы (водяной и ветряной) и ручной мельницы» (445); *унчуга –* баня, которая топится по-чёрному. «Первоначальное «муншага» (в баню) в произношении русских жителей изменилось в «унчуга». Заимствованное «унчуга» было использовано в говоре для обозначения черной бани в отличие от белой» (459) и под.

В целом это подтверждает мнение И.А. Бодуэна де Куртенэ о смешении языков как «начале всякой жизни как физической, так и психической» [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 363]. При этом действия механизмов гетерогенной организации системы говора в совокупности с влиянием экстралингвистических факторов определяют не только функционирование, но и сохранность и реализацию потенциала заимствования в языке-реципиенте.

Вывод

Проанализированный материал, при всей его фрагментарности, показывает значительные последствия контактов с казахским народом в области языка и традиционной культуры, достаточно широко отразившихся в оренбургских русских говорах. Данные «Словаря Оренбургских говоров» и топонимических трудов Б.А. Моисеева убедительно показывают широту совместных интересов, которые позволяют в ряде случаев корректировать известные ранее сведения. В частности, есть основания не согласиться с мнением Д.К. Зеленина, ограничившего круг «собственно местных заимствований из киргизского языка ... почти исключительно названиями туземной флоры», «а более же древние заимствования из тюркских наречий свидетельствуют и о культурным влиянием в сфере домоустройства: построек (карда), топлива (кизьяк), посуды (челяк)» [3, с. 243].

Безусловно, необходимо обследование не только оренбургских русских, но и казахских говоров территорий всего Оренбуржья, которое позволит в какой-то степени восполнить недостающий материал по изучению междиалектного и межъязыкового контактирования [28]. Однако и сейчас можно констатировать, что тематические группы в оренбургских говорах разнообразны и их наполняемость достаточно существенна, что позволяет выявить качественную составляющую межэтнических связей и степень вхождения заимствований в соответствии с потребностями переселенцев и усвоением ими достижений казахов в области материальной культуры. В свою очередь общность природно-географических условий определяла естественное вхождение в жизнь другого этноса и требовала уважения к непривычному, но уже не чуждому образу жизни и языку, принятия их на основе мирообщительности, обусловленного лингвокультурным взаимодействием, что приводило к естественному и жизненно необходимому взаимообогащению традиционных культур и контактирующих языков.

Литература

1. Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. – СПб.: Издательство журнала “Звезда”, 2005. – 544 с.
2. Бодуэн де Куртэн И.А. О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 1. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 362–372.
3. Зеленин Д.К. О говоре оренбургских казаков // Русский филологический вестник. 1905. – Т. – LVI. – № 3–4. – С. 234–245.
4. Абубакирова Л.Ф. Диалектное изучение русского языка в Оренбургском крае. – Вестник ОГПУ, 2011. – № 4. – С. 17–24.
5. Моисеев Б.А. Оренбургская областная диалектологическая хрестоматия (учебное пособие по русской диалектологии). – Оренбург, Изд-во ОГПУ, 2005. – 132 с.
6. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. – Оренбург, Изд-во ОГПУ, 2010. – 192 с.
7. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь [послесл. Е. Н. Бекасовой]. – Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева», 2019. – 516 с.
8. Моисеев Б.А. Местные названия Оренбургской области. Историко-топонимические очерки. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. – 380 с.
9. Моисеев Б.А. Топонимические очерки Оренбуржья. Научно-популярное издание / послесловие Е.Н. Бекасовой. – Оренбург: «Изд-во «“Оренбургская книга”»», 2016. – 416 с.
10. Вестник Оренбургского государственного университета (электронный научный журнал). – 2015. – № 2-4 (<http://vestospu.ru>)
11. Четвёртые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: в 2 частях. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 22-24 ноября 2018 г. / сост. и науч. ред. П.А. Якимов. – Ч. 1-2. – Оренбург: ООО «Изд-во “Оренбургская книга”», 2018.
12. Пятые Моисеевские чтения: историко-культурный и лингвистический ландшафт региона: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию Оренбургского государственного педагогического университета, 275-летию Оренбургской губернии и 285-летию образования Оренбургской комиссии [Электронный ресурс]. – Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 3-4 октября 2019 г. / сост. и науч. ред. П.А. Якимов. – Оренбург, ООО «Издательство “Оренбургская книга”», 2019. – 224 с.
13. Шестые Моисеевские чтения: Материалы Международной научной конференции студентов и преподавателей, посвящённой 95-летию со дня рождения кандидата филологических наук, доцента Бориса Александровича Моисеева [Электронный ресурс]. – Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 20-22 ноября 2020 г. / сост. и науч. ред. канд. пед. наук, доцент П. А. Якимов; авт. предислов. д-р филол. наук., доцент Е. Н. Бекасова. – Оренбург: Издательство “Оренбургская книга”, 2021. – 154 с.
14. Мызников С. А. Русские говоры Оренбуржья в полиэтничном окружении // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2010. – № 1 (58). – С. 187–195.
15. Бекасова Е.Н., Якимов П. А. Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Четвертые Моисеевские чтения» // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16. – N 3. – С. 247–251.
16. Bekasova Elena N. Peculiarities Of Linguistic Worldview Transformation On The Territory Of Later Settling // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. WUT 2018 IX International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects». – Vol. XXXIX. – 2018. – P. 548-553.
17. Бекасова Е.Н. Лингвистический ландшафт Оренбуржья: перспективы прошлого // Шестые Моисеевские чтения: Материалы Международной научной конференции студентов и преподавателей, посвящённой 95-летию со дня рождения кандидата филологических наук, доцента Бориса Александровича Моисеева [Электронный ресурс]. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 20 – 22 ноября 2020 г. / сост. и науч. ред. канд. пед. наук, доцент П.А. Якимов; авт. предислов. д-р филол. наук., доцент Е. Н. Бекасова – Оренбург: Издательство “Оренбургская книга”, 2021. – С. 17-25.

18. Бекасова Е.Н. Об особенностях представления тюркских заимствований в оренбургских говорах // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции (Уфа, 20-22 ноября 2014 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 34-44.
19. Мызников С.А. О лексических особенностях говора яицких (уральских) казаков // Исследования по славянской диалектологии 19-20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. – М.: Институт славяноведения, 2018. – С. 24-36. DOI: 10.31168/0412-1.1.3
20. Словарь социолингвистических терминов / сост. Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шаймерденова, Ж.С. Смагулова, [и др.]. – Астана: Арман-ПВ, 2008. – 392 с.
21. Кызласов И.Л. Два этапа пратюркского культурогенеза // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология: материалы конференции. – Москва: Тезаурус, 2009. – С. 167-168.
22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. (второе издание, 1880-1882 гг.). – Т. I-IV. – М.: Русский язык, 2000.
23. Бекасова Е.Н. О некоторых особенностях заимствований в оренбургских русских говорах // Актуальные проблемы диалектологии народов России: Материалы XVII Всероссийской научной конференции (Уфа, 1-2 июня 2017 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦРАН, 2017. – С. 30-34.
24. Словарь русских народных говоров. – В. 43. – СПб.: Наука, 2010. – 349 с.
25. Мызникова Я.В. Специфика межэтнического взаимодействия в Симбирском Заволжье по данным русских говоров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2017. – № 1. – С. 38-48.
26. Бурибаева М.А. Тюркские слова в русском языке как результат языковых контактов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 1 (22). – С. 99-105.
27. Баженова Т.Е. Предметно-обиходная лексика самарских говоров // Научный диалог. – 2017. – № 1. – С. 9—21.
28. Бекасова Е.Н. Особенности казахских заимствований в оренбургских русских говорах // Диалектология. Этнолингвистика. Мифология. Ономастика. Этимология: материалы международной научной конференции (Уфа, 1–4 ноября 2020 г.). – Т. 1. – Уфа: Башк. энцикл., 2020. – С. 170-173.

Reference

1. Panchenko A.M. Ya emigriroval v Drevnyuyu Rus. Rossiya: istoriya i kultura. Raboty raznyh let [I emigrated to Ancient Russ. Russia: history and culture. Work of different years]. Saint Petersburg, Izdatelstvo zhurnala “Zvezda”, 2005. 544 p. [in Russian].
2. Boduen de Kurtene I.A. O smeshannom haraktere vsekh yazykov [About the mixed nature of all languages]. In: Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu [Selected Works on General Linguistics]. Vol. 1. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1963. P. 362–372. [in Russian].
3. Zelenin D. K. O govore orenburgskikh kazakov [About the conversation of the Orenburg Cossacks]. In: Russkij filologicheskij vestnik [Russian philological bulletin]. 1905. Vol. LVI. № 3–4. P. 234–245. [in Russian].
4. Abubakirova L.F. Dialektnoe izuchenie russkogo yazyka v Orenburgskom krae [Dialect study of the Russian language in the Orenburg Territory]. In: Vestnik OGPU. 2011, № 4. P. 17–24. [in Russian].
5. Moiseev B. A. Orenburgskaya oblastnaya dialektologicheskaya hrestomatiya (uchebnoe posobie po russkoj dialektologii) [Orenburg regional dialectological textbook (textbook on Russian dialectology)]. Orenburg, Izd-vo OGPU, 2005. 132 p. [in Russian].
6. Moiseev B.A. Orenburgskij oblastnoj slovar [Orenburg Regional Dictionary]. Orenburg, Izd-vo OGPU, 2010. 192 p. [in Russian].
7. Moiseev B.A. Orenburgskij oblastnoj slovar (poslesl. E. N. Bekasovoj) [Orenburg Regional Dictionary]. Orenburg, ООО «Orenburgskoe knizhnoe izdatelstvo imeni G.P. Donkovceva», 2019. 516 p. [in Russian].
8. Moiseev B.A. Mestnye nazvaniya Orenburgskoj oblasti. Istoriko-toponimicheskie ocherki [Local names of the Orenburg region. Historical and toponymic essays]. Orenburg, Izd-vo OGPU, 2013. 380 p. [in Russian].
9. Moiseev B.A. Toponimicheskie ocherki Orenburzhya. [Toponymic essays of the Orenburg region]. Nauchno-populyarnoe izdanie [Popular science edition]. Posleslovie E.N. Bekasovoj [afterword by E.N. Bekasova]. Orenburg, Izd-vo “Orenburgskaya kniga”, 2016. 416 p. [in Russian].

10. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Orenburg State University]. (2015) (elektronnyj nauchnyj zhurnal), № 2-4 (<http://vestospu.ru>). [in Russian].

11. Chetyortye Moiseevskie chteniya: nacionalnye i regionalnye osobennosti yazyka: v 2 chastyah [Fourth Mosaic readings: national and regional features of the language: in 2 parts]. Materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii [Materials of the All-Russian (with international participation) scientific conference]. Orenburg, Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 22-24 noyabrya 2018 g. Sost. i nauch. red. P.A. Yakimov. Ch. 1-2 [Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, November 22-24, 2018 / comp. and scientific ed. P.A. Yakimov. – V. 1-2.]. Orenburg, OOO Izd-vo “Orenburgskaya kniga”, 2018. [in Russian].

12. Pyatye Moiseevskie chteniya: istoriko-kulturnyj i lingvisticheskij landshaft regiona [Fifth Mosaic readings: historical, cultural and linguistic landscape of the region]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 275-letiyu Orenburgskoj gubernii i 285-letiyu obrazovaniya Orenburgskoj komissii [Elektronnyj resurs]. – Orenburg, Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 3 – 4 oktyabrya 2019 g. Sost. i nauch. red. P. A. Yakimov [Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the Orenburg State Pedagogical University, the 275th anniversary of the Orenburg province and the 285th anniversary of the formation of the Orenburg Commission [Electronic resource]. - Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, October 3 - 4, 2019 / comp. and scientific ed. P. A. Yakimov.]. Orenburg, OOO Izdatelstvo “Orenburgskaya kniga”, 2019. 224 p. [in Russian].

13. Shestye Moiseevskie chteniya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i prepodavatelej, posvyashchyonnoj 95-letiyu so dnya rozhdeniya kandidata filologicheskikh nauk, docenta Borisa Aleksandrovicha Moiseeva [Sixth Moiseev Readings: Materials of the International Scientific Conference of Students and Teachers dedicated to the 95th Anniversary of the Birth of Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Boris Alek-Sandrovich Moiseev] [Elektronnyj resurs]. – Orenburg, Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 20 – 22 noyabrya 2020 g. Sost. i nauch. red. kand. ped. nauk, docent P. A. Yakimov; avt. predislov. d-r filol. nauk., docent E. N. Bekasova [Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, November 20 - 22, 2020 / comp. and scientific. ed. cand. ped. sciences, Associate Professor P. A. Yakimov; ed. foreword. d.phil.s., Associate Professor E. N. Bekasova]. Orenburg, Izdatelstvo “Orenburgskaya kniga”, 2021. 154 p. [in Russian].

14. Myznikov S.A. Russkie govory Orenburzhya v polietnichnom okruzenii [Russian dialects of the Orenburg region in a multi-ethnic environment]. In: Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda, 2010. № 1 (58). P. 187–195. [in Russian].

15. Bekasova E.N., Yakimov P. A. Vserossijskaya (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnaya konferenciya «Chetvertye Moiseevskie chteniya» [All-Russian (with international participation) scientific conference «Fourth Mosaic Readings»]. Voprosy onomastiki [Onomastics issues]. 2019. Vol. 16. № 3. P. 247–251. [in Russian].

16. Bekasova Elena N. Peculiarities of Linguistic Worldview Transformation on the Territory of Later Settling. In: The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. WUT 2018 IX International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects». Vol. XXXIX. WUT 2018. P. 548-553.

17. Bekasova E.N. Lingvisticheskij landshaft Orenburzhya: perspektivy proshlogo [Linguistic landscape of the Orenburg region: perspectives of the past]. Shestye Moiseevskie chteniya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i prepodavatelej, posvyashchyonnoj 95-letiyu so dnya rozhdeniya kandidata filologicheskikh nauk, docenta Borisa Aleksandrovicha Moiseeva [Elektronnyj resurs]. Orenburg, Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 20 – 22 noyabrya 2020 g. Sost. i nauch. red. kand. ped. nauk, docent P. A. Yakimov; avt. predislov. d-r filol. nauk., docent E. N. Bekasova [Sixth Moiseev Readings: Materials of the International Scientific Conference of Students and Teachers dedicated to the 95th Anniversary of the Birth of Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Boris Alek-Sandrovich Moiseev] [Electronic resource]. – Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, November 20 - 22, 2020 / comp. and scientific. ed. cand. ped. sciences, Associate Professor P. A. Yakimov; ed. foreword. Dr. philol. sciences., Associate Professor E. N. Bekasova.]. Orenburg, Izdatelstvo “Orenburgskaya kniga”, 2021. P. 17-25. [in Russian].

18. Bekasova E.N. Ob osobennostyah predstavleniya tyurkskih zaimstvovanij v orenburgskih govorah [About the features of the presentation of Turkic borrowings in Orenburg dialects]. Aktualnye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii: Materialy XIV Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Ufa, 20-22 noyabrya

2014 г.) [Actual problems of dialectology of languages of the peoples of Russia: Materials of the XIV All-Russian Scientific Conference (Ufa, November 20-22, 2014)]. Ufa, IYAL UNC RAN, 2014. P. 34–44. [in Russian].

19. Myznikov S. A. O leksicheskikh osobennostyakh govora yaickikh (uralskikh) kazakov [About the lexical features of the dialect of the Yaitsky (Ural) Cossacks]. Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii 19–20. Slavyanskije dialekty v sovremennoj yazykovoj situacii. Dialektnyj slovar kak sposob issledovaniya slavyanskikh dialektov [Studies in Slavic dialectology 19–20. Slavic dialects in the modern language situation. Dialect dictionary as a way to study Slavic dialects]. Moscow, Institut slavyanovedeniya, 2018. P. 24-36. DOI: 10.31168/0412-1.1.3. [in Russian].

20. Slovar sociolingvističeskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]. Sost. E.D. Sulejmenova, N.Z. Shajmerdenova, Z.S. Smagulova, [i dr.]. Astana, Arman-PV, 2008. 392 p. [in Kazakh].

21. Kyzlasov I.L. Dva etapa pratyurksskogo kulturogeneza [Two stages of Pratyürk cultural genesis]. In: Sravnitel'no-istoričeskoe yazykoznanie. Altaistika. Tyurkologiya: materialy konferencii [Comparative historical linguistics. Altaistics. Turkology: materials of the conference]. Moscow, Tezaurus, 2009. P. 167–168. [in Russian].

22. Dal V.I. Tolkovyj slovar zhivogo velikorussskogo yazyka [Interpretive dictionary of the living Great Russian language]. V 4-h t. (vtoroe izdanie, 1880–1882 gg.) [In 4 volumes (second edition, 1880-1882)]. Vol. I-IV. Moscow, Russkij yazyk, 2000. [in Russian].

23. Bekasova E.N. O nekotoryh osobennostyakh zaimstvovaniy v orenburgskikh russkikh govoraх [About some features of borrowing in Orenburg Russian dialects]. In: Aktualnye problemy dialektologii narodov Rossii: Materialy XVII Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Ufa, 1-2 iyunya 2017 g.) [Actual problems of dialectology of the peoples of Russia: Materials of the XVII All-Russian Scientific Conference (Ufa, June 1-2, 2017)]. Ufa, IYAL UNCRAN, 2017. P. 30–34. [in Russian].

24. Slovar russkikh narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. V. 43. Saint-Petersburg, Nauka, 2010. 349 p.

25. Myznikova Ya.V. Specifika mezhetnicheskogo vzaimodejstviya v Simbirskom Zavolzhe po dannym russkikh govorov [Specifics of inter-ethnic interaction in the Simbirsk Volga region according to Russian dialects]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Saint Petersburg University Bulletin]. Yazyk i literature [Language and Literature]. 2017. № 1. P. 38-48. [in Russian].

26. Buribaeva M.A. Tyurkskie slova v russkom yazyke kak rezultat yazykovykh kontaktov [Turkic words in Russian because of language contacts]. In: Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta [Irkutsk State Linguistic University Bulletin]. 2013. №1 (22). P. 99-105. [in Russian].

27. Bazhenova T.E. Predmetno-obihodnaya leksika samarskikh govorov [Everyday vocabulary of Samara dialects]. In: Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]. 2017. № 1. P. 9–21. [in Russian].

28. Bekasova E.N. Osobennosti kazahskikh zaimstvovaniy v orenburgskikh russkikh govoraх [Features of Kazakh borrowings in Orenburg Russian dialects]. In: Dialektologiya. Etnolingvistika. Mifologiya. Onomastika. Etimologiya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Ufa, 1–4 noyabrya 2020 g.) [Dialectology. Ethnolinguistics. Mythology. Onomastics. Etymology: materials of an international scientific conference (Ufa, November 1-4, 2020)]. Vol. 1. Ufa, Bashk. encikl., 2020. P. 170-173. [in Russian].

Е.Н. Бекасова

*Орынбор мемлекеттік педагогикалық университеті, Орынбор, Ресей Федерациясы
(E-mail: bekasova@mail.ru)*

Орынбор орыс говорларына қазақ тілінен енген кірме сөздер

Аннотация. Кеш қоныстанған аумақтардың говорларын зерттеудің өзектілігі олардың диалектаралық және тіларалық байланыстар жағдайында қалыптасу, қызмет ету және сақталу ерекшеліктерімен анықталады. Осы ретте Ресей империясының еуропалық бөлігінің губернияларынан әртүрлі уақытта түйдек-түйдегімен қоныс аударған адамдардың түркі және фин-угор халықтарымен 250 жылдан астам уақыт бойы өзара араласуы нәтижесінде пайда болған ерекше лингвистикалық жағдайда қалыптасқан Орынбор орыс говорлары жеткілікті

дәрежеде зерттелмеген күйінде қалып отыр. Алайда, Борис Александрович Моисеевтің ХХ ғасырдың 50-70-жылдарындағы жазба материалдары негізінде 2005-2019 жылдары жарық көрген еңбектері екінші деңгейлі Орынбор орыс говорларының жүйелерін зерттеудің әр түрлі аспектілерін қарастыруға мүмкіндік береді. Олардың ішінде орыс-қазақ тілдік байланыстарының мәселесі лингвомәдени тұрғыдан айрықша көзге түседі. Қазақ тілінен енген сөздерді талдау кірме лексиканың тақырыптық топтарын, оның Орынбор орыс говорларына ену және бейімделу механизмдерін, түпнұсқасымен сәйкестігіне қатысты ерекшеліктерін анықтауға және тегі басқа диалектілік ортада іске асқан әлеуетті мүмкіндіктерін ашып көрсетуге жағдай туғызды. Кірме сөздердің сандық тұрғыдан ең елеулі топтарының қатарына түйешілік терминдері, сондай-ақ атаулары түпнұсқа тілдік бірліктермен байланысқа түскен – жылқы мен сиыр малдарының түр-түсі, жасы және көбею ерекшеліктерін білдіретін сөздер жатады. Ас-тағам саласындағы кірме сөздер Орынбор өңірінің аумағында жақсы сақталып қана қоймай, диалектілік сөйлеу жазбалары растап отырғандай сонымен қатар орыс-қазақ қарым-қатынастарын орнатуда маңызды міндет атқарған. Қазақ тілінен енген сөздердің кең спектрін, оның ішінде эмоционалды-бағалау саласын зерттеу көршілес халықтардың іс жүзінде оң қарым-қатынаста болғандығын айқын көрсетеді, бұл бірқатар жағдайда қазақ тілінен енген кірме сөздердің семантикалық жағынан түрленуіне және қабылдаушы тілдің заңдылықтарына сәйкес әртүрлі туынды сөздердің (дериваттардың) пайда болуына әкеліп соқты.

Кілт сөздер: кеш қоныстанған аумақтардың говорлары, Орынбор орыс диалектілері, тілдік байланыстар, кірме лексика, экстралингвистикалық факторлар, қазақ тілінен енген сөздер.

E.N. Bekasova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

(E-mail: bekasova@mail.ru)

Kazakh borrowings in Orenburg Russian dialects

Abstract. The relevance of the study of dialects of territories of late settlement is determined by the peculiarities of their formation, functioning and preservation in the conditions of inter-dialect and inter-language contacts. In this regard, the Orenburg Russian dialects, which take shape in the unique linguistic situation of the interaction of different-time resettlement waves from the provinces of the European part of the Russian Empire with the Turkic and Fino-Ugric peoples for more than 250 years, remain insufficiently explored. However, the materials published in 2005-2019 based on the records of the 50-70s of the XX century allow us to consider various aspects of the study of resettlement dialect systems, among which the problem of Russian-Kazakh language contacts as the most significant in the linguistic and cultural plan stands out. The analysis of Kazakh borrowings made it possible to determine the thematic groups of borrowed vocabulary, identify the mechanisms for its entry and adaptation in Orenburg Russian dialects, determine the features of the relationship with native correspondences and reveal the potential opportunities realized in a genetically alien dialect system.

Keywords: dialects of late settlement territories, Orenburg Russian dialects, language contacts, borrowed vocabulary, extralinguistic factors, Kazakh borrowings.

Сведения об авторе:

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, д.19, Оренбург, Российская Федерация.

Автор туралы мәлімет:

Бекасова Елена Николаевна, филология ғылымдарының докторы, доцент, Орынбор мемлекеттік педагогикалық университетінің орыс тілі мен орыс тілін оқыту әдістемесі кафедрасының профессоры, Советская көшесі, 19 үй, Орынбор, Ресей Федерациясы.

Information about author:

Bekasova Elena Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Teaching Methods of the Russian Language, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya, str. 19, Orenburg, Russian Federation.

МРНТИ 16.21.41

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2021-3-22-27>

М.Э. Дубровина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
(E-mail: maggydu@rambler.ru)*

Особенности функционирования формы множественного числа -lar в тюркских языках с позиций этнолингвистики

Аннотация. В настоящей статье автор подвергает анализу тюркскую категорию числа. Автора долгое время привлекало особое функционирование аффикса множественности с показателем -lar в текстах различных тюркских языков, начиная с самых древних памятников, написанных рунической письменностью, заканчивая литературными произведениями современных турецких писателей. Это особое функционирование заключается и в специфической семантике форм множественного числа, и в том, насколько реже, по сравнению с западными языками, эти формы употребляются в письменной речи, не говоря уже об устной. Кроме того, в центр исследовательского внимания неоднократно попадала способность основы слова без указанного показателя выражать информацию о множестве предметов, т.е. в тех случаях, где по содержанию речь идет о множестве предметов, показатель множественности -lar не употребляется. Опираясь на лингвистические методы у автора статьи возникла гипотеза о том, что в тюркском языке категория числа как морфологическое средство могла отсутствовать вовсе, а информация о множестве предметов могла передаваться иными, не морфологическими способами. На новом этапе исследования, т.е. привлекая методы этнолингвистического анализа, автор стремится обнаружить связь нечастого употребления форм множественного числа и даже гипотетическое его отсутствие в языке более древнего периода с экстралингвистическими особенностями тюркского менталитета. Это становится возможным, если в основу научного взгляда положить такие факторы, формирующие менталитет, как географическое положение этноса, размеры племенных коллективов и степень сплоченности членов коллектива между собой.

Ключевые слова: этнолингвистика, лингвокультурологические исследования тюркских языков, категория множественности, категория числа в тюркских языках, грамматика тюркских языков, морфология имени существительного.

Введение

В последнее время все больше возрастает интерес ученых-лингвистов к различным аспектам лингвокультурологических исследований. Это обусловлено стремлением народов показать современному миру свою необычность, самобытность, непохожесть на другие